

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Н.А. НИКОЛИНА
Москва

Метаязыковые комментарии в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина

В статье рассматриваются метаязыковые комментарии в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, отмечаются их функции в тексте. Особое внимание уделено рефлексивам, основанным на семантическом переосмыслении слова.

Ключевые слова: *метаязыковой комментарий; метаязыковая рефлексия; рефлексив; толкование слова; семантическое осмысление; сатира.*

Для прозы М.Е. Салтыкова-Щедрина характерен постоянный диалог с читателем. Это находит отражение во включенных в текст произведения развернутых метаязыковых комментариях, содержащих авторскую интерпретацию различных фактов языка и речи. Многие контексты в произведениях писателя строятся как рефлексивы – отрезки речи, представляющие собой толкования слов или фразеологизмов, их оценки, наблюдения за речевым поведением персонажей, комментирование употребления и происхождения языковых единиц. «Метаязыковые комментарии в тексте практически всегда находятся в позиции выдвижения, выражают важные для произведения идеи и выполняют разнообразные художественные функции. Поэтому метаязыковые комментарии можно рассматривать в качестве “подсказок” для читателя – своеобразных “ключей” для интерпретации текста» [Шумарина 2011: 218].

*Николина Наталья Анатольевна, кандидат филол. наук, профессор МПГУ.
E-mail: admin@riash.ru*

Метаязыковые комментарии в прозе Салтыкова-Щедрина последовательно выражают авторское отношение к изображаемому. Это преимущественно толкования слов или оценки лексических единиц, чаще иронические. Ср., например:

Соченьки – «особого рода кушанье, вроде сдобных блинов, сложенных вдвое и начиненных творогом»*. («Пошехонская старина»); «Содействие общества» ответило нам словом: *жарь!* Небольшое, но золотое это слово. Кроме того... самое содержание его до такой степени просто, что достаточно быть заурядным прохвостом, чтобы осуществить его во всех частях. («Письма к тетеньке»).

Метаязыковые комментарии в текстах сатирика прежде всего поясняют малоизвестные читателю слова или новообразования Салтыкова-Щедрина. Например, в текст романа «История одного города» включен рефлексив, предлагающий «этимологию» слова *головотяпы*, введенного писателем в русский язык:

Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» голо-

* Цитаты приводятся по: Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 10 т. – М., 1988.

вами обо все, что бы ни встретилось на пути. Стена попадется – об стену тятаят; богу молиться начнут – об пол тятаят.

В этом рефлексиве выделены два мотивирующих слова, которые используются при сложении, при этом употребление просторечного глагола *тятать* ('ударять') актуализирует связь слова *голова-тыты* с выражением *тыт да ляп*. Информативная функция рефлексива в результате сочетается с оценочной.

Кроме малоизвестных для читателя слов, объектом метаязыковой рефлексии в прозе Салтыкова-Щедрина регулярно служат лексические единицы, широко распространенные в современных ему текстах официально-делового и публицистического стилей. Обращение к этим единицам дает сатирику возможность оценить называемые реалии и явления и высмеять их неприемлемые для писателя-демократа стороны. Показательно, например, предлагаемое автором толкование слова *благонамеренность*. В толковых словарях XIX в. его значение определялось как 'благомыслие', 'доброжелательность', 'свойство благонамеренного', в то же время это слово обычно использовалось в полицейских аттестациях, где обозначало политическую благонадежность. Именно это значение и становится объектом рефлексии в текстах сатирика:

Я считаю нелишним определить, что такое благонамеренность. Признаюсь откровенно, обязанность эта застаёт меня несколько врасплох, ибо слово «благонамеренность» произошло на свет так недавно, что даже значение его не вполне определилось в сознании общества. [Салтыков-Щедрин ПСС, VII, 1937: 76].

В толковании слова *благонамеренность* писатель выделяет два семантических компонента: «хороший образ мыслей» и «невинность». «Невинность» же, в свою очередь, интерпретируется как «отсутствие всякого образа мыслей, отчасти же отсутствие того смысла, который даёт возможность различить добро от зла» («Признаки времени»). Второй семантический компонент отрицает первый, структура рефлексива в результате оказывается внутренне парадоксальной.

Метаязыковой комментарий, таким образом, выявляет нравственную несостоятельность и социальную ограниченность благонамеренности и противопоставляется официальному толкованию: «благомыслие» – «отсутствие всяких мыслей».

В произведениях Салтыкова-Щедрина встречаются и ложные толкования слов, позволяющие дать обобщающую сатирическую оценку изображаемой действительности. Так, в «Истории одного города» градоначальник Василиск Бородавкин определяет цивилизацию как «науку о том, колико каждому Российской Империи доблестному сыну отечества быть твердым в бедствиях надлежит». Это толкование пронизано авторской иронией и соотносится с представленной в романе картиной жизни народа, непрестанно терпящего «удары судьбы» и покорно проявляющего только «энергию бездействия».

Для идейно-эстетического содержания произведений Салтыкова-Щедрина значим отбор комментируемых в них лексических единиц. Рефлексивы разных типов могут взаимодействовать друг с другом, развивая один из сквозных мотивов текста. Так, в хронике «Пошехонская старина» метаязыковые комментарии подчеркнуты оценочны и представляют собой своеобразный словарь «терминологии старины» – крепостного права. Ср.:

Нормальные отношения помещиков того времени к окружающей крепостной среде определялись словом *гневаться*... Господа «гневались», прислуга имела свойство «прогневлять»;

Несравненно в более горьком положении была женская прислуга, и в особенности сальные девушки, которые на тогдашнем циническом языке назывались «девками»;

Казалось, что люди не работают, а суетятся, «мечутся как угорелые». Отсюда – эпитеты, которыми так охотно награждали дворовых: *лежебоки, дармоеды, хлебогады*.

В центре внимания сатирика последовательно оказываются «ключевые слова текущего момента». Так, в цикле «Помпадур и помпадурши», характеризуя семантическую эволюцию слова *взятка*, писатель одновременно оценивает размах казнокрадства и взяточничества в России:

Известно, что в конце 50-х гг. воздвигнуто было на взяточников очень сильное гонение. С понятием о «взяточничестве» сопрягалось тогда представление о какой-то язве, которая якобы разъедает русское чиновничество и служит немалой помехой в деле народного преуспеяния... Так понимало «взятку» тогдашнее общество, так объясняли это слово и составители толковых словарей. <...> Общество, в своем нетерпении, от копеечной взятки прямо переходит к тысячной... и т.д. Филологи, не успевая следить за изменениями, которые вносит жизнь в известные выражения, впадают в невольные ошибки и продолжают звать «взяткой» то, чему уже следует, по всей справедливости, присвоить наименование «куша»... Содержание «взятки» изменилось, границы ее получили совсем другие очертания... а составители толковых словарей упорствуют утверждать, что «взятка» есть то самое, что в древности собирает становой пристав в форме кур и яиц...

Оценивая современную действительность, Салтыков-Щедрин часто оперирует лингвистическими терминами. Например, в «Сатирах в прозе» он обращается к таким терминам, как «подлежащее», «сказуемое», «связка», «употребляя их в ином, более широком значении и применяя к общественно-политическим темам» [Ефимов 1953: 125].

Писателя привлекают прежде всего прагматика языковых единиц, их связь с социальными явлениями, жизнь языка в обществе. Так, он различает «вредный» или «полезный» смысл слова, лексические единицы *слово, язык, фраза* регулярно распространяются в произведениях сатирика оценочными определениями; ср.: *дурные и неопрятные слова, истрепанные дореформенные слова, рабий язык, холопский язык, щегольские фразы*. В текст часто вводится метаязыковой показатель в *общественном смысле слова*, который выступает как семантический оператор, актуализирующий оценочные семы контекста:

И действительно, что такое «реакция» в общественном смысле этого слова? Это эпоха величайшего умственного утомления, эпоха прекращения частной и общественной инициативы, эпоха торжества сил, имеющих значение не столько сдерживающее и

регулирующее (это только казовый конец реакции), сколько уничтожающее и мертвящее. («Признаки времени»).

Даже в лингвоспецифических словах русского языка (словах, не имеющих эквивалентов в других языках) писатель актуализирует прежде всего семантические компоненты, связанные с социальными аспектами отображаемой внеязыковой действительности. Ср., например:

Затем самая «тоска» – разве это не «новое слово» для западного человека? Западный человек может негодовать, ожесточаться, настаивать, но «тосковать» он положительно не умеет... Ибо даже наиболее благороднейшая тоска – и та представляет собой нечто неосознанное, безвыходное, свойственное лишь бессильным и недоумевающим людям... Одним словом, нужно начать борьбу. А где же взять сил для борьбы? Увы! Геройство еще не выработалось... («За рубежом»).

Определение социального явления, общественного типа или конкретного персонажа сатирик часто дает при помощи рефлексива, выделяющего одно слово-сигнал, наиболее ярко их характеризующее:

Вся система заключается в одном слове: *дисциплина*, и ничего больше... в сфере бюрократии дисциплина есть сама по себе система. («Тени»);

«Хищник» – это дикий в полном значении этого слова; это человек, у которого на языке нет другого слова, кроме глагола «отнять». («Дневник провинциала в Петербурге»);

У него (Порфиши)... было только одно магическое слово «кляц», за которым открывалась пустая и бездонная пропасть. («Господа ташкентцы»).

Семантический объем выделенного слова при этом расширяется; так, в звукоподражании *кляц*, например, актуализируются смыслы ‘захватить’, ‘подавить’, ‘действовать силой’; см., например, одну из реплик персонажа:

– ...Вы только и умеете, что копейку к копейке прижимать, а я вот – кляц! – сколько захочу денег, столько и будет!

Метаязыковые комментарии, таким образом, выступают в характерологической функции. Например, семантически емкая характеристика Угрюм-Бурчеева строится на основе выделения ключевого слова

его речи – *зачем?* – и актуализации в нем явных и неявных смыслов. Характерологическая функция часто взаимодействует с оценочной. Это особенно ярко проявляется тогда, когда характерологическая функция рефлексивов реализуется в контекстах, развивающих мотив понимания / непонимания персонажем значения того или иного слова:

Всего более его смущало то, что он не мог дать достаточно твердого определения слову: «*права́*». Слово «обязанности» он [Беневоленский] сознавал очень ясно, так что мог об этом предмете исписать целые дести бумаги, но «*права́*» – что такое «*права́*»? («История одного города»).

Отличительной особенностью стиля Салтыкова-Щедрина является регулярное семантическое переосмысление ключевых слов текста, у которых развивается новое значение, не соответствующее словарным толкованиям. Семантическое переосмысление слов мотивировано использованием в сатире эзопова языка – «манеры, обнаруживавшей замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обстоятельств» [Русские писатели о языке 1954: 260].

Одним из приемов эзопова языка является включение в текст рефлексива, определяющего комплекс смыслов, который приобретает слово в новой, авторской интерпретации. Так, например, писатель неоднократно обращался к комментированию слова *фюить*, которое выступает в его произведениях в значении, несвойственном ему в языке. «В языковом лексиконе Щедрина выделяется словцо *фюить* (выд. Ефимовым), означающее ссылку, поездку в места не столь отдаленные, или, как выражался сатирик, “с Макаровыми телятами знакомство сводить”» [Ефимов 1953: 452]. Слово *фюить* используется в русском языке как звукоподражание, имитирующее свист, реже как императивное междометие. Неоднократно употребляя его в своих произведениях, Салтыков-Щедрин трансформирует это слово в многозначную лексическую единицу, которая в зависимости от контекста может интерпретироваться то как глагол

(в значениях ‘наказать’, ‘сослать’, ‘арестовать’), то как имя существительное *ссылка*, то как эвфемизм, заменяющий подвергшийся семантической компрессии фразеологизм *куда Макар телят не гонял*. Не случайно семантизация слова *фюить* часто осуществляется с опорой именно на этот фразеологизм. Ср.:

Новый помпадур был малый молодой и совсем отчаянный. Он не знал ни наук, ни искусств... Любимейшие его выражения были: «*фюить!*» и «*куда Макар телят не гонял!*». («Помпадуры и помпадурши»).

Завершая цикл рассказов «Помпадуры и помпадурши», Салтыков-Щедрин включает в текст объемный рефлексив, строящийся как ироническое суждение иностранца о русском лингвоспецифическом слове *фюить*:

Всю сумму своих административных воздействий помпадуры сумели сконцентрировать в одном крошечном слове *фюить*, и, кажется, это единственное слово, которое они умеют произносить с надлежащею ясностью. Все прочее принимает в их устах форму невнятного бормотания, из которого трудно извлечь что-либо поучительное. Я тщетно усиливался доказывать, что слово *фюить*, несмотря на удобства, доставляемые его краткостью, все-таки никаких разрешений не заключает... Ежели люди сами признают себя вполне обеспеченными словом *фюить*, то мне, иностранцу... разуберечь их в том не приходится.

Слово *фюить* в результате трактуется как ключевое слово в речи помпадуров, более того, как ключевое слово русской языковой картины мира в целом. Оно возглавляет «обыденный лексикон» чиновников, который включает такие слова, как *посягать*, *подкапываться*, *потрясать* и т.д.

Примером метаязыкового комментария, мотивирующего семантическое переосмысление выделяемой лексической единицы, может служить и толкование слов *Ташкент* и *ташкентцы*. Салтыков-Щедрин дает традиционное определение топонима, а затем противопоставляет ему индивидуально-авторское толкование слова, существенно расширяющее его семантический объем и выражающее комплекс социальных оценок. Ср.:

Ташкент, как термин географический, есть страна, лежащая на юго-восток от Оренбургской губернии...

Как термин отвлеченный, Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданства предание о Макаре, телят не гонящем... Наш Ташкент, о котором мы ведем здесь речь, находится там, где дерутся и бьют. («Господа ташкентцы»).

Развернутое толкование сопровождается и ключевое в цикле «Господа ташкентцы» слово *ташкентец*. Рефлексив строится как последовательность предложений тождества и местоименно-соотносительных конструкций, каждая из которых выделяет один из признаков ташкентцев. Ср., например:

Всякий, кто видит в семейном очаге своего ближнего не огражденное место, а арену для веселонравных похждений, есть ташкентец; Всякий, кто в физиономии своего ближнего видит не образ божий, а ток, на котором может во всякое время молотить кулаками, есть ташкентец; всякий, кто, не стесняясь, швыряет своим ближним, как неодушевленной вещью... есть ташкентец. Человек, рассуждающий, что вселенная есть не что иное, как вымороченное пространство, существующее для того, чтоб на нем можно было плевать во все стороны, есть ташкентец.

Рефлексивы, таким образом, дают многоаспектную оценочную характеристику определенного социального типа.

Семантическое переосмысление слов осуществляется в прозе Салтыкова-Щедрина двумя способами:

– путем редукции валентностей слова и развития нового значения; так, глагол *погодить* утрачивает возможные распространители и развивает значение ‘отказаться от активного протеста, борьбы’:

– А мой совет – погодить!
– Да что же, наконец, вы хотите этим сказать?
– Русские вы, а по-русски не понимаете!.. Погодить – ну, приноровиться, что ли, уметь вовремя помолчать, позабыть кой об чем, думать не об том, об чем обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь... («Современная идиллия»);

– путем актуализации периферийных или ассоциативных сем ключевого слова:

«Ташкентцы» – имя собирательное.

Те, которые думают, что это только люди, желающие воспользоваться прогонными деньгами в Ташкент, ошибаются самым грубым образом.

«Ташкентец» – это просветитель. Просветитель вообще, просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало; и притом просветитель, свободный от наук, но не смущающийся этим, ибо наука, по мнению его, создана не для распространения, а для стеснения просвещения. («Господа ташкентцы»).

Актуализации периферийных или ассоциативных сем способствует сопоставление комментируемых слов; ср., например:

Хищение... известно было издревле и издревле же значилось во всех азбуках под всевозможными рубриками... В древности слова *хищение* не было, но зато было слово *лафа*, и вся дореформенная Русь отлично понимала, что слово это означает именно высасывание вымороченных соков. Но так как конструкция этого слова слишком отзывалась провинциализмом и татарщиной, то понятно, что с поднятием уровня образованности почувствовалась потребность и в поднятии уровня терминологии. Отсюда – замена слова *лафа* – словом *хищничество*. («Пестрые письма»).

Рефлексивом, раскрывающим значение семантически переосмысленного слова, может служить весь текст произведения. Так, цикл рассказов «Помпадур и помпадурши» как единый комплекс интерпретирует ключевое слово *помпадур*, которое употребляется как имя нарицательное, обозначающее губернатора, назначенного не по деловым качествам, а в результате «искательства», связей, «женского влияния».

Итак, метаязыковые комментарии выполняют в текстах Салтыкова-Щедрина информативную, оценочную, характерологическую и текстообразующую функции. Их использование представляет собой одну из особенностей идиостиля сатирика. Рефлексивы в его произведениях выявляют значимые для автора смыслы слова, позволяют установить контакт с «другом-читателем», показать несоответствие официальной терминологии обозначаемым реалиям и выразить беспощадно-негативное отношение к отрица-

тельным явлениям российской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. – М., 1953.

Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. – М., 1934–1991.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 10 т. – М., 1988.

Русские писатели о языке. – М., 1954.

Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. – М., 2011.

ХРОНИКА

Межрегиональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы преподавания русского языка в современной школе»

14 ноября 2015 г. в СОШ № 29 г. Подольска Московской области состоялась межрегиональная конференция «Актуальные проблемы преподавания русского языка в современной школе», организованная кафедрой русского языка Института филологии и иностранных языков МПГУ, журналом «Русский язык в школе» и издательским центром «Вентана-Граф». В работе конференции приняли участие учителя русского языка и литературы, учителя начальных классов общеобразовательных учреждений Москвы и Московской области, сотрудники кафедры русского языка МПГУ и Центра начального образования РАО, представители издательского центра «Вентана-Граф».

На пленарном заседании докладчики говорили об активных процессах в современном русском языке и их отражении в лингводидактике, обращая внимание слушателей на необходимость включения в практику преподавания русского языка в школе анализа языковых единиц, функционирующих в современной речи, их научной интерпретации и нормативной оценки; о проблеме преемственности в преподавании русского языка как одном из критериев непрерывного лингвистического образования и речевого развития обучающихся. Участники конференции были ознакомлены с разработанными в соответствии с приказом Министерства образования РФ электронными формами учебников (ЭФУ), возможностями их использования в образовательном процессе и с проблемами внедрения ЭФУ в практику преподавания.

Работа в секциях была посвящена обсуждению положений Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях РФ и современным подходам к контрольно-оценочной деятельности по русскому языку в начальной школе в условиях проведения всероссийских проверочных работ.

Участники отметили высокий научный и организационный уровень конференции и предложили рассмотреть вопрос о регулярности проведения конференции по заявленной проблематике.

С.В. Иванов, кандидат филол. наук,
доцент МПГУ (Москва)